

УДК 94(47).082, 94(47).083

СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1880–1905)

Л. В. Ульянова

В статье анализируются социально-профессиональные группы в политической полиции дореволюционной России на хронологическом отрезке с 1880 по 1905 г.: образование, особенности социализации, карьерные стратегии чинов политического сыска. На основе этих критериев сравниваются убеждения разных деятелей политической полиции, выделяются общие и специфические черты в восприятии ими общественно-политических процессов.

Ключевые слова: дореволюционная политическая полиция, государственный аппарат России, либерализм, революции, культурная история, история ментальности.

Политическая полиция Российской империи вызывала и вызывает непреходящий интерес историков. Однако их внимание в подавляющем большинстве случаев сосредоточено на изучении структуры и нормативно-правовой базы дореволюционной тайной полиции. В результате, при наличии огромного количества работ по истории политического сыска Российской империи практически ничего не известно о том людях, занимавшихся тогда охраной государственной безопасности. Даже в тех исследованиях, где есть заявка на рассмотрение отношений между сотрудниками политической полиции, речь сводится к проблеме субординации, а постановка «этических» проблем ограничивается анализом участия политического сыска в терактах [см. например: 1, 53–68].

Между тем, чтобы понять отношение деятелей политической полиции к противоправительственному движению, нужно вначале выяснить, какие это были люди по своему жизненному опыту и своим убеждениям. Попытку сделать такой набросок и представляет данная статья [см. также: 2, 3]. Реконструировать общие черты мировоззрения чинов политического сыска возможно через анализ делопроизводственной документации, отчасти опубликованной, но в большинстве своем хранящейся в фонде Департамента полиции (ГАРФ. Ф. 102). Основные карьерные вехи служащих политической полиции также отражены в опубликованных воспоминаниях.

Всех деятелей политической полиции можно разделить на три социально-профессиональные группы – в соответствии с тремя структурами: Департаментом полиции, губернскими жандармскими управлениями (далее – ГЖУ) и охранными отделениями. Наиболее важными критериями для раскрытия специфики этих групп являются, во-первых, образование, влиявшее на спектр знаний, социализацию, уклад жизни, круг идей, общения, корпоративную культуру [4]¹, и, во-вторых, карьера.

Эти группы были разными по численности. Департамент полиции – центральный орган политического сыска, входивший в состав Министерства внутренних дел Российской империи, на момент создания (1880 г.) состоял из 125 человек. К концу XIX в. его численность возросла до 174 сотрудников [5, 163; 6, 90; 7, 53; 8, 79]. Гораздо более многочисленными были местные отделения политической полиции – ГЖУ: в 1880 г. их общая численность составляла 328 офицеров и 2290 унтер-офицеров, не значительно увеличившись в последующие десятилетия [5, 163]. Охранные отделения, напротив, отличались небольшим количеством сотрудников. В самом крупном – Санкт-Петербургском – изначально служило 12 человек, к 1903 г. их число увеличилось до 15 [5, 163; 9, 69; 10, 52].

Относительно первой группы – чиновников Департамента полиции – в историографии существуют определенные разночтения. Так, Ф. М. Лурье утверждает, что в Департаменте и в первую очередь в «3-ем делопроизводстве служили жандармские офицеры и редко штатские чиновники» [11, 85]. Более аргументированным представляется мнение З. И. Перегудовой: «При комплектовании руководящего состава Департамента Министерство внутренних дел вплоть до 1902 г. стремилось брать в штат преимущественно лиц с юридической подготовкой» [12, 337. Также см.: 13, 197; 14, 56]². Идея наполнить руководящую структуру политического сыска юристами была одной из

ключевых у главы Верховной распорядительной комиссии М. Т. Лорис-Меликова в 1880 г. [15, 245; 16, 5; 17, 280].

Применительно к чиновникам Департамента полиции речь пойдет в первую очередь о руководителях (директора, вице-директора, заведующие Особым отделом, руководители структур (делопроизводств) и их помощники, чиновники особых поручений). Ведь именно они, а не канцелярские служащие и писари задавали в Департаменте основные трактовки общественно-политических процессов и формировали модели поведения.

За период с 1881 по 1905 г. Департамент полиции возглавляли 10 человек: В. К. Плеве (1881–1884), П. Н. Дурново (1884–1893), Н. И. Петров (1893–1895), Н. Н. Сабуров (1895–1896), С. Э. Зволянский (1896, 1897–1902), А. Ф. Добржинский (1896), А. А. Лопухин (1902–1905), С. Г. Коваленский (1905), Н. П. Гарин (1905), Э. И. Вуич (1905–1906). Из них имел не юридическое, а военное образование только Петров, окончивший Николаевскую академию Генерального штаба³. Зволянский, Коваленский и Гарин получили образование в Императорском училище правоведения. Московский или Санкт-Петербургский университеты «со степенью кандидата юридических прав» закончили Плеве, Сабуров, Лопухин, Вуич. Добржинский отучился на юридическом факультете Киевского университета, а Дурново – в Военно-юридической академии⁴.

Юридическое образование дополнялось солидным юридическим стажем. Большинство к моменту назначения на должность директора имели длительный опыт работы в судебном ведомстве, достигавший 25 или даже 30 лет. Будущие руководители политической полиции прошли карьерный путь от секретаря суда или помощника следователя до прокурора окружного суда или судебной палаты. Этот факт отмечал в 1917 г. более поздний руководитель Департамента С. П. Белецкий на допросе Чрезвычайной следственной комиссией: «Я был единственным директором Департамента из административных, а ведь до меня были все директора – прокуроры судебных палат»⁵.

При этом сотрудники Департамента полиции (не только его руководители) во время службы в прокуратуре специализировались на дознаниях по государственным преступлениям, сотрудничая рука об руку с ГЖУ. Иначе говоря, это были люди, знакомые со спецификой работы политической полиции еще до попадания в ее «святая святых»⁶. Меньше других директоров в судебном ведомстве проработал С. Э. Зволянский (с 1877 по 1881 г.). Но он большую часть своей жизни служил в самом Департаменте (1881–1902), начав с должности младшего помощника делопроизводителя⁷. Кроме Зволянского, карьерную лестницу внутри Департамента полиции прошли директора П. Н. Дурново и Н. Н. Сабуров.

Юридическое образование и определенный юридический стаж имели также заведующие отделениями [12, 75]. Так, Н. П. Зуев, окончив Императорское училище правоведения, работал в Московской судебной палате, Рязанском окружном суде и 1-ом уголовном отделении 2-го департамента Министерства юстиции (с 1878 по 1894 г.). Попад в 1894 г. в Департамент полиции, он прослужил еще 9 лет (1894–1903) до назначения вице-директором⁸. Правоведами были вице-директор Департамента Г. К. Семякин, руководитель 3-го делопроизводства П. Н. Лемтюжников, начальник 5-го делопроизводства П. К. Лерхе, помощники делопроизводителей Н. А. Пешков, Н. Д. Зайцев и др.⁹

Значительная часть чинов Департамента полиции (в частности, В. К. Плеве, Н. Н. Сабуров, П. Н. Дурново, С. Э. Зволянский, Э. И. Вуич, Г. К. Семякин, П. Н. Лемтюжников и др.) получила высшее образование (или начала учиться) в «либеральные» годы: вторую половину 1850-х – начало 1870-х¹⁰. Среди их преподавателей были такие столпы российского либерализма, как К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, А. Д. Градовский. Сложно умалить их воздействие на мировоззрение студентов [18, 59]¹¹. Так, один из сокурсников Плеве И. И. Янжул вспоминал: «Б. Н. Чичерин читал, начиная со 2-го курса, государственное право и политические учения... В то либеральное время мы, юноши, были настроены на самый либеральный камертон... Так как Чичерин начинал читать со 2-го курса, а конституционное право Дмитриев лишь на 4-м, то, собственно, мы довольно рано в университете познакомились тогда от Чичерина со всеми выгодными сторонами и важностью для государства представительных учреждений»¹².

Влияние теоретиков-родоначальников российского либерализма на будущих государственных служащих не ограничивалось студенческими годами. Как показывает в своем исследовании

С. В. Куликов, «работы апостола “старого либерализма” Б. Н. Чичерина пользовались огромной популярностью у бюрократических деятелей» [19, 284].

Служба в судебной системе также должна была способствовать формированию «либерального» настроения: по общему признанию современников и историков, пореформенная судебная система была воплощением либеральной бюрократической практики, которая трактовалась в первую очередь как законничество и приоритет права. Здесь уместно определение «либерализма», данное В. В. Ведерниковым, В. А. Китаевым, А. В. Луночкиным: «Либерализм видит гарантию хорошо устроенного общества... в институтах, действующих на основе закона» [20, 3].

Сотрудники Департамента полиции в общем и целом были сторонниками позиции так называемых «умеренных либералов» (по определению В. А. Китаева) Б. Н. Чичерина, К. Д. Кавелина, А. Д. Градовского, популяризация программ которых пришлось как раз на 1860–1870-е гг. [20, 12–25]. Этот «общелиберальный» настрой руководящего состава Департамента полиции был замечен и рядом современников, в частности применительно к П. Н. Дурново [21, 58, 61] и А. А. Лопухину [22, 206]¹³.

Выделялись на общем «юридическом» фоне Департамента руководители Особого отдела. Первый его заведующий Л. А. Ратаев (1894–1902) окончил Николаевское кавалерийское училище. После этого он практически сразу же попал в Департамент полиции, где работал с 1882 г. чиновником особых поручений, младшим, а затем старшим помощником делопроизводителя. С. В. Зубатов (заведующий Особым отделом в 1902–1903 гг.), не будучи юристом, привел с собой в отдел жандармов-практиков политического розыска (Терещенков, М. С. Комиссаров, Мец) и бывших секретных агентов (М. И. Гурович и Панкратьев) [12, 75; 17, 286].

Попутно отмечу, что в литературе о политической полиции из одной работы в другую кочует неправильно понятое утверждение М. С. Комиссарова на допросе Чрезвычайной следственной комиссии в 1917 г. об Особом отделе. Например, Е. Е. Гладышева пишет: «Культурный, профессиональный и образовательный уровень работников Особого отдела представлял предмет гордости не только руководства, но и других подразделений Департамента полиции. Вместо традиционной предвзятости сослуживцы отмечали, что собранные там “интеллигентные люди, все с университетским образованием, придавали необычный своеобразный характер деятельности учреждения”» [23, 71; см. также: 1, 52; 6, 269]. Ссылка при этом дается на протокол допроса Комиссарова¹⁴. В действительности же на этой странице слова Комиссарова об Особом отделе абсолютно иные: «Насколько в Департаменте полиции делопроизводители, помощники и младшие были народ интеллигентный, все с высшим образованием, универсанты и правоведа, настолько Особый отдел имел странный, специфический вид... Там был совершенно иной подбор лиц. Туда попадала публика из бывших охранников или из новых сотрудников. Там был при мне Меньшиков, человек полунинтеллигентный, Трутков – человек совершенно неинтеллигентный, Квицинский – это уж бог знает что».

При этом бывшие судьи и прокуроры служили не только в Департаменте полиции, но и в других подразделениях Министерства внутренних дел. По подсчетам Д. И. Раскина, в Министерстве внутренних дел в конце XIX – начале XX в. «80 % высших чинов имели опыт работы на судебных (прокурорских) должностях» [24, 57, 77, 85; 25, 27–28, 323; 26, 32–33; 27, 35; 28, 63–64]. Иначе говоря, чины Департамента полиции по своему образованию и карьерному пути вполне вписывались в состав Министерства внутренних дел России того времени.

Совершенно иным выглядит облик второй группы служащих политической полиции – жандармских офицеров, составлявших основной контингент местных отделений политического сыска. Это были люди, получившие военное образование и прослужившие в войсках до перевода в Отдельный корпус жандармов не менее 5 лет [12, 338; 23, 70, 72; 29, 50].

Военное образование в большинстве случаев включало в себя две последовательные стадии: 1) кадетский корпус (до 1882 г. – военные гимназии) или военные прогимназии; 2) военное или юнкерское училища соответственно (в последних могли обучаться закончившие не только военные прогимназии, но и ряд гражданских учебных заведений). Правда, П. А. Зайончковский пишет: «По образовательному цензу состав офицеров ГЖУ... был не очень высок», высшее образование имели 4,56 %, при этом 35,35 % офицеров ГЖУ не получили даже среднего образования [15, 174].

Наиболее распространенный вариант обучения будущих военных занимал 9 лет: 7 лет в кадетском корпусе, 2 года в военном училище. О роли военного образования в формировании миро-

воззрения вспоминал выпускник Пажеского корпуса В. Градский: «Войдя в корпус мальчиком 10 лет, после 9-летнего пребывания мы выходили в жизнь с офицерскими погонами на плечах. Ведь это те 9 лет жизни, когда создается молодая душа, когда закладывается фундамент того человека, который будет строить и свою, и общественную жизнь»¹⁵. Показательно, что среди критериев успешной учебы на первом месте стояло поведение и знание строевой службы, затем знание военных предметов, и только на третьем месте все остальные дисциплины, которые принято называть «общеобразовательными» [30, 117–118].

Довершала становление личности служба в войсках. Типичен генерал В. Д. Новицкий. Он закончил Константинопольский кадетский корпус и Елисаветградское кавалерийское училище¹⁶, после 15-летней службы в штабе Харьковского военного округа был принят в Отдельный корпус жандармов и вскоре назначен начальником Тамбовского ГЖУ.

Тем самым будущие жандармы социализировались в сугубо военной культуре [31, 168–169]¹⁷, что накладывало отпечаток на их мировоззрение. Как отмечает исследователь российского офицерства С. В. Волков, догмой офицерской психологии был патриотизм, основанный на триединой формуле «за Веру, Царя и Отечество». Иначе говоря, военные являлись наиболее верноподданнической средой (с некоторой долей условности ее можно определить категорией «консерватизм»). Кроме этого, «в офицерской среде пользовалось величайшим презрением... доноительство... Начиная с кадетского корпуса, правило “не фискаль” считалось краеугольным камнем поведения будущего офицера» [30, 286, 291]. И, самое главное, офицерская культура отличалась абсолютной аполитичностью [30, 286; 31, 238]¹⁸. Характерно признание того же генерала В. Д. Новицкого о своем переводе из армии в Отдельный корпус жандармов: «В то время я решительно не имел никакого представления о политике»¹⁹.

Для поступления в Корпус жандармов нужно было пройти предварительные испытания, а в случае успеха – 3–6-месячный курс обучения [подробно см.: 12, 339–340; 32]²⁰. Ставшие впоследствии видными деятелями политического сыска А. И. Спиридович и А. П. Мартынов критически оценивали подготовку, даваемую на курсах. С их точки зрения, преподаватели слишком много времени уделяли техническим вопросам проведения дознаний, игнорируя такую важную тему, как общественно-политическая ситуация в Российской империи. В результате слабый политический кругозор жандармов часто оставался на том же уровне, что и до попадания в Корпус²¹.

Интересно признание одного рядового по своим способностям жандарма А. Полякова (по крайней мере, в списке по успеваемости он значился на 32-м месте из 42 учащихся, для сравнения: будущий начальник Московского охранного отделения А. П. Мартынов во время своего обучения был по успеваемости 11-м из 60 учащихся). Поляков вспоминал: «Те знания, которые я получил на курсах, оказались такими же, по крайней мере, у меня, как и знания, полученные в кадетском корпусе, т. е. такими, которые улетучились навсегда сейчас же по сдаче выпускных экзаменов»²².

Видимо, недостаточная для работы в политической полиции эрудиция жандармов в политических вопросах дополнялась отсутствием склонности к розыскной работе, в первую очередь, к вербовке и дельному руководству секретной агентурой.

Особенно негативное отношение к политическому розыску демонстрировали «пожилые» начальники ГЖУ [6, 91]²³: «старослужащие были более консервативно настроены, не желали иметь дело с агентурой из разных слоев общества, скептически относились к новым методам ведения оперативно-розыскной работы и т.п.» [33, 57]. Это во многом обусловило стремление Департамента полиции определять в охранные отделения молодых офицеров. Так, по подсчетам А. М. Буякова, на должности начальников Владивостокского охранного и розыскного отделений назначались «офицеры-ротмистры Отдельного корпуса жандармов... в пределах 38–43 лет... почти все... до назначения успели прослужить в органах политического сыска России в среднем 5–6 лет» [33, 57].

Департамент полиции предпочитал выбирать для службы в охранных отделениях не только молодых, но и лучших жандармов, так как перед охранными отделениями стояли наиболее сложные задачи политического розыска: вербовка секретной агентуры, создание и руководство службой наружного наблюдения [6, 92]²⁴.

Чины охранных отделений отличались от служащих ГЖУ не только возрастом и способностями к политическому розыску. К созданию самой системы политического сыска, выработке его основных принципов имела непосредственное отношение третья группа служащих политической полиции – бывшие секретные агенты. Среди них стоит назвать, в первую очередь, таких «звезд»,

как начальник Московского охранного отделения, а затем Особого отдела Департамента полиции С. В. Зубатов (1896–1902, 1902–1903 гг. соответственно), заведующие Заграничной агентурой П. И. Рачковский (1884–июнь 1902 гг.) и А. М. Гартинг (1905–1909 гг.), ответственный за работу охранных отделений Л. П. Меньщиков, заведующий Галицийской и Румынской агентурой, сотрудник Департамента полиции М. И. Гурович (1903–1904 гг.) и ряд других лиц²⁵.

В исторической литературе распространена точка зрения, что лидирующие позиции в политическом сыске занимали жандармы, т. к. очевидно их количественное превосходство в структурах политической полиции. По мнению исследователей, именно жандармами были укомплектованы ГЖУ (полностью), охранные отделения (полностью) и Департамент полиции (частично) [14, 93; 23, 74; 29, 93]. При этом историки не ставят вопрос о том, что бывшие секретные сотрудники составляли весьма заметную группу чинов политической полиции (этот тезис применяется исключительно к фигуре С. В. Зубатова), а сами случаи попадания из секретных агентов на штатные должности «охранников» имели характер системности.

Между тем переход бывших секретных сотрудников на службу в охранные отделения случался не так уж редко. В 1907 г. в «Положении об охранных отделениях» было специально указано, что секретные сотрудники «не могут быть допускаемы к занятию должностей в охранных отделениях» [цит. по: 12, 120]. Эта фраза – не только отражение критического отношения тогдашнего директора Департамента полиции М. И. Трусевича к бывшим агентам, которые стали «охранниками», но и свидетельство популярности самой практики.

Уровень образования у этой группы служащих политического сыска был различным, в большинстве своем достаточно невысоким. С. В. Зубатов, например, не закончил гимназии [12, 73]. П. И. Рачковский получил домашнее образование [34, 104]. Но недостатки образования с лихвой компенсировались личным опытом (вращение в революционном подполье) и начитанностью. Так, А. И. Спиридович отмечал, что по инициативе Зубатова в Московском охранном отделении «была заведена библиотека с соответствующим подбором книг: Вэбб, Геркнер, Прокопович, Зомбарт, новый труд Бердяева “Поворот к идеализму”»²⁶. Сам Зубатов позднее вспоминал, что он привлек на свою сторону в рабочем вопросе Л. А. Тихомирова, назвав ему «Бернштейна и только что тогда вышедших авторов по профессиональному рабочему движению (Рузье, Вигур, Геркнер, Метен, Зомбарт и др.)» [35, 3; 36, 47]²⁷.

Особую роль в формировании восприятия антиправительственного движения и выработке методов политического розыска сыграл П. И. Рачковский – секретный агент Департамента на рубеже 1870–1880-х гг. После успешной поездки за границу в 1883 г. и раскрытия народовольческой группы С. П. Дегаева Рачковский был назначен заведующим Заграничной агентурой [12, 144]. Последующие 19 лет, до «опалы» в 1902 г., его мнение по различным вопросам было неизменно востребовано в Департаменте полиции, одобрялись проводимые им мероприятия, выделялись просимые им денежные суммы. В 1886 г. руководитель 3-го делопроизводства, будущий директор Департамента С. Э. Зволянский, проведя ревизию Заграничной агентуры, пришел к выводу, что это лучшая из русских политических агентур [37, 18, 27–28, 30–32].

П. И. Рачковский в литературе характеризуется как «человек хитрый, умный, беспардонный», насаждавший «свои методы сыска, не гнушаясь и провокацией» [12, 117]. Антиподом Рачковскому выступает С. В. Зубатов: он признается лучшим сотрудником политической полиции, во многом определявшим ее развитие с конца 1880-х до 1903 г. [12, 64, 75; 34, 109]²⁸. Помимо прочего, в начале XX в. Зубатов приложил руку к обучению принципам политического розыска ряда жандармов. Он сам писал об этом в 1899 г.: «Прикомандировав лучших из вновь поступивших в Корпус жандармов офицеров к названным охранным отделениям для практического изучения приемов розыска, в виду предположенного затем назначения их на самостоятельные и ответственные должности, Департамент полиции тем самым официально признал... преимущества службы этих отделений по сравнению их с общежандармской... Среди довольно многочисленного состава офицеров Корпуса жандармов офицеры-охранники, систематически прошедшие школу охранной службы в течение нескольких лет, подобно тому, как это можно сказать относительно ротмистра Сазонова, резко выделяются, как в этом убеждает меня служебная практика, над общим уровнем своей среды: и богатством служебного опыта, и широким знанием дела, и наконец благодаря непосредственному участию в самых разнообразных случаях деятельности охранных отделений и беспрестанному сношению с живой личностью самого различного типа, характера, положения»²⁹.

Впоследствии воспитанники С. В. Зубатова при его активном участии стали руководителями охранных отделений: Я. Г. Сазонов – Санкт-Петербургского (1903–1905), В. В. Ратко – Московского (1902–1905), А. И. Спиридович – Таврического, а впоследствии Киевского (1903–1906). Б. А. Герарди был назначен помощником начальника Сибирского охранного отделения (1903–1905) [12, 73; 38, 270]. В результате модель Московского охранного отделения была распространена на многие регионы Российской империи.

В целом третья группа служащих политической полиции отличалась эрудированностью, политическим кругозором, гибкостью, необходимой для успешного политического розыска, определенным чутьем противоправительственного движения. Не случайно в Департаменте полиции к бывшим секретным агентам относились с неизменным уважением, а служащие ГЖУ постоянно ревновали к ним как к более успешным собратьям.

Названные отличия в образовании и карьерах чинов политической полиции во многом определяли различное восприятие ими общественно-политических процессов того времени. Однако дело не исчерпывается только различиями. Представляется возможным говорить и об общем мировоззренческом «бэкграунде» служащих политического сыска. Эта общность определялась тем, что изначальная социализация будущих работников политической полиции (воспитание, круг общения, получение азов образования) происходила в рамках образованного общества. А. П. Мартынов спустя много лет удивительно ярко вспоминал о родительском доме. В нем регулярно собирались люди, которых в то время было принято называть «прогрессивными»: «Это Иван Ильич Барышев, он же известный Мясницкий, популярный поставщик бойких водевилей, идущих «у Корша», он же неутомимый фельетонист местной «желтой» прессы... Другой посетитель – Михаил Александрович Саблин из «Русских ведомостей», старый русский либерал; его внук докатился ко времени революции до анархизма... Помню и известного издателя календаря Гатцука, типографа Родзевича, присяжного поверенного Павла Михайловича Бельского, постоянно баловавшего нас, детей, подарками. В разговоре упоминаются имена других знакомых отца: Козьмы Терентьевича Солдатенкова..., Плевако»³⁰. Тем самым деятели политической полиции через родственников и личные связи были включены в образованное общество Российской империи второй половины XIX в.

Общим было и культурное пространство – чины политического сыска читали ту же литературу и те же периодические издания, посещали те же театры, что и обычная городская публика. Театры, как место регулярного посещения, вообще довольно часто фигурируют в воспоминаниях жандармов (отчасти это было связано со служебными обязанностями)³¹.

В силу всего этого работники политической полиции не могли избежать влияния общих для образованного общества второй половины XIX в. идейных веяний, имевших корни еще в традициях европейского Просвещения. К таковым в первую очередь стоит отнести позитивизм (и связанные с ним понятия «прогресс» и «эволюция»), утилитаризм и марксизм.

Отражение общепринятых идей в делопроизводственной переписке служащих политического сыска сложно назвать уникальным российским явлением. Так, Р. Дарнтон в своем исследовании, посвященном анализу отчетов инспектора французской полиции о литераторах и общественном мнении середины XVIII в., подчеркивает: «...полицейский инспектор... разделял предрассудки тогдашнего общества» – часто он оперировал теми же терминами с той же смысловой нагрузкой, что и само общество [39, 204].

Эволюционное развитие, видимо, представлялось чинам политического сыска Российской империи чем-то естественным. Так, не сомневался в идейной эволюции общества начальник Воронежского ГЖУ Н. В. Васильев: «Убить идею нельзя. Эволюция человеческой мысли совершается безостановочно, неудержимо трансформируя взгляды, убеждения, а затем и социальный строй жизни народов»³². Признание временного характера неблагонадежности (и ограничение срока негласного надзора двумя годами) предполагало согласие в политической полиции по поводу того факта, что убеждения людей со временем могли меняться, в том числе и в сторону большей лояльности власти. Из идеи эволюции исходило и такое определение, как «преждевременность» разрешения бывшим гласноподнадзорным поступления на государственную службу: сама формулировка предполагала возможным развитие ситуации до такого момента, когда это разрешение станет своевременным³³.

Эволюция понималась в политической полиции как развитие от низшего к высшему, чему сопутствовала убежденность в необходимости прогресса. Эта категория выступала ключевой при

оценке эффективности деятельности как власти, так и различных сегментов правоохранительного движения. Признавая прогресс необходимым, служащие политического сыска тем самым поневоле соглашались с объектами своего наблюдения, отличаясь от последних представлением о «двигателе» прогресса. В отличие от общественности, которая полагала, что главный прогрессор – она сама, деятели политической полиции миссию цивилизаторов, носителей прогресса приписывали государству. Так, С. В. Зубатов считал, что именно царская власть дала «России величие, прогресс и цивилизацию» [40, 67]³⁴.

Другая составляющая проблемы эффективности деятельности любых общественно-политических субъектов находила у чинов политического сыска свое словесное выражение в дихотомии «вредно» – «полезно», в чем можно найти определенные отсылки к концепции утилитаризма. Сквозь призму этих категорий в политической полиции трактовали всю деятельность объектов своего внимания, впрочем, как и работу государственного аппарата³⁵.

Служащим политического сыска оказались понятны некоторые основополагающие идеи марксизма. Видимо, не случайно распространение марксизма в России первоначально было воспринято ими как положительное явление, позволяющее лишить народовольчество его монополии на популярность³⁶. Был даже случай прямой поддержки со стороны политической полиции развития марксизма в России в виде издания марксистского журнала «Начало» в 1899 г.

Разумеется, сами чины политического сыска в своей переписке не упоминали о положительных свойствах марксизма, но показательное совпадение идей. Так, они критиковали либералов за стремление соблюдать свои личные, а не общественно полезные интересы и нужды³⁷. Кроме этого, в политической полиции полагали, что любая политическая позиция зависит от социального и экономического статуса определенной группы людей, иногда даже называя эти группы «классами»³⁸. «Убежденным материалистом» был директор Департамента полиции П. Н. Дурново, полагавший, «что бессмысленно создавать институты до того, как социально-экономические условия созреют для них» [21, 62; 41, 222].

Идейная компонента в мировоззрении деятелей политического сыска, которую в общем и целом можно назвать «просветительской», дополнялась сильной морально-этической составляющей. Различные общественно-политические явления нередко оценивались категориями, имевшими отношение не к политике, а к сфере нравственности – «добро», «благо» или, напротив, «зло». Делопроизводственная переписка работников политического сыска пестрит такими словами, как «благомыслящий», «благовидный», «благонамеренный», «благодушный», «благоразумный», «благосклонный», «благотворный», «благие цели», «добросовестный», «доброжелательный». Правда, гораздо чаще использовались антонимы этих понятий (посредством добавления приставки «не-»). Популярными были и слова с корнем «зло»: «зловредный», «злонамеренный», «злоупотребления» и др. Да и самое общее понятие, зафиксированное в циркулярах еще со времен III отделения, – «неблагонадежный» – имело корнем все то же слово «благо». Особенно часто выносили моральные оценки объектам своего наблюдения чины ГЖУ. Видимо, здесь играла свою роль принадлежность значительной части жандармерии к дворянскому сословию, которое на фоне других социальных групп отличалось особенно сильными морально-этическими традициями, закладываемыми при воспитании [см. например: 42, 29].

Таким образом, можно выделить три доминирующих социально-профессиональных типажа деятелей политической полиции. К первой из них стоит отнести юристов-чинов Департамента полиции, выросших в духе пиетета перед законом, наиболее последовательным воплощением которого в России являлась судебная система. В такой кадровой политике, возможно, была заложена идея, что служащие Департамента должны уметь отстаивать интересы власти в борьбе с правоохранительным движением с точки зрения закона. Это в определенной степени противоречит популярному в научной литературе утверждению, что российская власть в целом была склонна решать проблемы с помощью внеправового подавления любой общественной самостоятельности, обходить закон в своих интересах [43–46]. Бывшие военные, ставшие жандармами – работники ГЖУ в силу специфики своего образования и жизненного опыта были в наименьшей степени приспособлены к осуществлению политического розыска, видимо, поэтому на них была возложена во многом техническая функция по проведению дознаний. В тех же губерниях, где политический розыск осуществляли все-таки ГЖУ, его постановка постоянно вызывала нарекания Департамента полиции. По сравнению с чинами ГЖУ служащие охранных отделений, особенно бывшие секретные агенты,

имели более высокий неформальный статус в политической полиции, были более уважаемыми в департаментской среде. Эти люди знали революционное движение из собственного жизненного опыта, соответственно, обладали наиболее адекватным представлением о самом движении и методах борьбы с ним.

Примечания

¹ Н. Б. Лебина отмечает, что «ментальные установки личности, ее поведенческие стереотипы в значительной мере формируются под влиянием повседневности» [4, 27].

² Об этом же см.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 295. Д. 7.

³ Во главе Департамента полиции: формулярные списки барона И. О. Велио, В. К. фон Плеве, П. Н. Дурново и Н. И. Петрова // Из глубины времен. СПб., 1995. Вып. 4. С. 167.

⁴ См.: Во главе Департамента полиции: формулярные списки барона И. О. Велио, В. К. фон Плеве, П. Н. Дурново, Н. И. Петрова, Н. Н. Сабурова, А. Ф. Добржинского, С. Э. Зволянского, А. А. Лопухина, С. Г. Коваленского, П. И. Рачковского, Н. П. Гарина, Э. И. Вуича, М. И. Трусевича, Н. П. Зуева // Из глубины времен. СПб., 1995–1997. Вып. 4–8.

⁵ Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства. М.; Л., 1926. Т. 3. Допрос С. П. Белецкого. С. 273.

⁶ Заварзин П. П. Работа тайной полиции // Охранка. Воспоминания руководителей политического сыска. М., 2004. Т. 1. С. 413; Кафафов В. Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 103.

⁷ Во главе Департамента полиции (формулярные списки Н. Н. Сабурова, А. Ф. Добржинского и С. Э. Зволянского) // Из глубины времен. СПб., 1995. Вып. 5. С. 182–195.

⁸ Во главе Департамента полиции (формулярные списки М. И. Трусевича и Н. П. Зуева) // Из глубины времен. СПб., 1997. Вып. 8. С. 167–179; Падение царского режима. Т. 3. Допрос С. П. Белецкого. С. 258.

⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 295. Д. 7. Л. 11, 29; Д. 111. Л. 1; Кафафов В. Д. Указ. соч. С. 103.

¹⁰ Во главе Департамента полиции: формулярные списки барона И. О. Велио, В. К. фон Плеве, П. Н. Дурново, Н. И. Петрова, Н. Н. Сабурова, А. Ф. Добржинского, С. Э. Зволянского, А. А. Лопухина, С. Г. Коваленского, П. И. Рачковского, Н. П. Гарина, Э. И. Вуича, М. И. Трусевича, Н. П. Зуева // Из глубины времен. СПб., 1995–1997. Вып. 4–8.

¹¹ Также см.: Янжул И. И. Воспоминания о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. М., 2006. С. 52.

¹² Там же.

¹³ Куропаткин А. Н. Дневник // Красный архив. 1922. № 2. С. 82; Спиридович А. И. Записки жандарма. М., 1930. С. 110, 118–119; Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 164.

¹⁴ Падение царского режима. Т. 3. С. 145.

¹⁵ Градский В. На переломе жизни. Воспоминания 1905 г. // Былое. 1924. № 27–28. С. 145.

¹⁶ Новицкий В. Д. Воспоминания тяжелых дней моей службы в корпусе жандармов // Былое. 1917. № 5–6. С. 95.

¹⁷ Также см.: Заварзин П. П. Жандармы и революционеры // Охранка. Воспоминания руководителей политического сыска. М., 2004. Т. 2. С. 22–23.

¹⁸ Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991. С. 18; Заварзин П. П. Указ. соч. С. 21.

¹⁹ Новицкий В. Д. Воспоминания тяжелых дней. С. 107. Об этом же см.: Лопухин А. А. Из итогов служебного опыта. М., 1907. С. 32; Падение царского режима. Т. 3. Допрос А. И. Спиридовича. С. 29; Поляков А. Записки жандармского офицера // Жандармы России. М., 2004. С. 483; Мартынов А. П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // Охранка. Воспоминания руководителей политического сыска. М., 2004. Т. 2. С. 31, 35, 38–43, 49.

²⁰ Также см.: Спиридович А. И. Указ. соч. С. 31–37; Мартынов А. П. Указ. соч. С. 44–48.

²¹ Спиридович А. И. Указ. соч. С. 31; Мартынов А. П. Указ. соч. С. 57.

²² Поляков А. Указ. соч. С. 491.

²³ Мартынов А. П. Указ. соч. С. 136, 268–270.

²⁴ Там же. С. 126.

²⁵ Бывшими секретными сотрудниками были: заведующий Балканской агентурой А. М. Вейсман, сотрудники Санкт-Петербургского охранного отделения П. Статковский и И. В. Доброскок, чиновник Варшавского охранного отделения М. Е. Бакай (Санкт-Петербургское охранное отделение в 1895–1901 гг. Труд чиновника отделения П. Статковского // Былое. 1921. № 16. С. 108); [12, 144].

²⁶ Спиридович А. И. Указ. соч. С. 106.

²⁷ Письмо С. В. Зубатова В. Л. Бурцеву. 8 декабря 1906 г. // Козьмин Б. П. С. В. Зубатов и его корреспонденты. М., 1928. С. 85. Б. П. Козьмин писал про Зубатова, что «его начитанность и наличность у него интереса к книге... стоят вне всякого сомнения» [35, 3].

²⁸ Заварзин П. П. Работа тайной полиции. Париж. 1927. С. 69; Спиридович А. И. Указ. соч. С. 44.

- ²⁹ ГАРФ. Ф. 102. Особый Отдел. 1898. Д. 2. Ч. 1. Лит. Б. Л. 37. Также см.: ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1898. Д. 245. Ч. 1. Л. 7, 16; Оп. 295. Д. 111. Л. 33–34.
- ³⁰ Мартынов А. П. Указ. соч. С. 298.
- ³¹ Там же. С. 41–42.
- ³² Ф. 110. Оп. 3. Д. 2580. Л. 232. Цит. по: [12, 111].
- ³³ См. например: ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1883. Д. 1563. Л. 2; Заварзин П. П. Жандармы и революционеры. С. 97.
- ³⁴ Спиридович А. И. Указ. соч. С. 48. Также см.: Мартынов А. П. Указ. соч. С. 34; Заварзин П. П. Указ. соч. С. 34.
- ³⁵ ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1885. Д. 59. Ч. 27. Л. 3–4; 1887. Д. 9. Ч. 40. Л. 2 об., 6; 1888. Оп. 84. Д. 89. Ч. 12. Л. 1–2; 1900. Д. 1886. Л. 54–55; 1901. Д. 1. Ч. 27. Лит. А. Л. 13–13 об.; Особый Отдел. 1898. Д. 2. Ч. 1. Лит. В. Л. 192–193; Д. 9. Ч. 2. Л. 15–18; 1905. 2 отделение. Д. 13. Ч. 3. Л. 3; Д. 1000. Ч. 1. Л. 32; и др.
- ³⁶ Спиридович А. И. Указ. соч. С. 67–68.
- ³⁷ См. например: ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1887. Д. 9. Ч. 29. Л. 3, 1891. Д. 44. Ч. 27. Л. 4.
- ³⁸ ГАРФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1884. Д. 88. Ч. 6. Л. 3, 5; 1887. Д. 9. Ч. 5. Л. 10; 1903. Д. 1. Ч. 48. Лит. А. Л. 2; и др.

Список литературы

1. Реент Ю. А. Общая и политическая полиция России. 1900–1917. Рязань, 2001.
2. Ульянова Л. В. Групповой портрет деятелей политической полиции (1880–1905 года) // Вестн. молодых ученых ист. фак-та МГУ им. М. В. Ломоносова: тр. междунар. науч. конф. «Ломоносов-2007». Лучшие доклады по историческим наукам. М., 2007. С. 165–177.
3. Ульянова Л. В. «Либерал» в политической полиции. Записка начальника Московского охранного отделения В. В. Ратко. 1905 г. // Исторический архив. 2008. № 4. С. 70–78.
4. Лебина Н. Б. Политический сыск и российская повседневность // Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997. С. 25–29.
5. Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.
6. Рууд Ч. А., Степанов С. А. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993.
7. Лурье Ф. М., Перегудова З. И. Царская охранка и провокация // Из глубины времен. СПб., 1992. Вып. 1. С. 53–62.
8. Реент Ю. А. Полиция Российской империи начала XX в. (1900–1917). М., 2002.
9. Федоров К. Г., Ярмыш А. Н. История полиции дореволюционной России. Ростов н/Д, 1976.
10. Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1902–2002. М., 2004.
11. Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России. 1649–1917. М., 1998. (Истории в романах, повестях и документах).
12. Перегудова З. И. Политический сыск России. 1880–1917. М., 2000.
13. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1997.
14. Иванов А. В. Департамент полиции Министерства внутренних дел. 1880–1917 гг.: дисс... канд. юрид. наук. М., 2001.
15. Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1964.
16. Перегудова З. И. «Охранка» глазами охранников // Охранка. Воспоминания руководителей политического сыска. М., 2004. Т. 1. С. 5–26.
17. Жандармы России. М., 2004.
18. Щетинина Г. И. Идеи жизни русской интеллигенции, конец XIX – начало XX вв. М., 1995.
19. Куликов С. В. Государственно-правовой дискурс, императорское правительство и думская оппозиция в начале XX в. // Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.): мат-лы науч.-теор. конф. 8–10 декабря 2003 г. СПб., 2004. С. 282–301.
20. Ведерников В. В., Китаев В. А., Луночкин А. В. Конституционный вопрос в русской либеральной публицистике 60–80-х гг. XIX в. М., 1997.
21. Бородин А. П. Дурново П.Н.: Портрет царского сановника // Отечественная история. 2000. № 3. С. 48–69.
22. Островский А. В. Родственные связи А. А. Лопухина (1864–1928) // Из глубины времен. СПб., 1996. Вып. 6. С. 196–209.
23. Гладышева Е. Е. Политический сыск в России в начале XX в. 1902 – февраль 1917 г. на примере Саратовской губернии: дисс... канд. ист. наук. Саратов, 2006.
24. Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971.
25. Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. М., 1991.
26. Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX – начала XX в. Социально-историческая судьба. М., 1999.
27. Раскин Д. И. Специализация высшей российской бюрократии XIX – нач. XX в.: образование, профессиональный опыт, продвижение по службе // Из глубины времен. СПб., 1994. Вып. 3. С. 29–39.
28. Раскин Д. И. Империя столоначальников // Родина. 2003. № 1. С. 62–65.

29. *Дорохов В. Г.* Политический сыск в Томской губернии: 1881 – февраль 1917 гг.: дисс... канд. ист. наук. Кемерово, 2005.
30. *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. М., 1993.
31. *Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. М., 1973.
32. *Оржеховский И. В.* Самодержавие против революционной России (1826–1880). М., 1982.
33. *Буяков А. М.* Владивостокское охранное отделение: структура и кадровый состав // Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997. С. 53–57.
34. *Галвазин С. Н.* Охранные структуры Российской империи: формирование аппарата, анализ оперативной практики. М., 2001.
35. *Козьмин Б. П.* С. В. Зубатов и его корреспонденты. М., 1928.
36. *Овченко Ю. Ф.* С. В. Зубатов // Вопросы истории. 2005. № 8. С. 62–70.
37. *Агафонов В. К.* Заграничная охранка (составлено по секретным документам Заграничной агентуры и Департамента полиции). 1918.
38. *Головков Г., Бурин С.* Канцелярия непроницаемой тьмы. Политический сыск и революционеры. М., 1994.
39. *Дарнтон Р.* Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М., 2002.
40. *Айнзафт С.* Зубатов и студенчество // Каторга и ссылка. М., 1927. № 5 (34). С. 65–69.
41. *Lieven D.* Russia's Rulers Under The Old Regime. New Haven; L., 1989.
42. *Тимофеев Д. В.* Европейские идеи в России: восприятие либерализма правительственной элитой в первой четверти XIX в. Челябинск, 2006.
43. *Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г.* Революционная традиция в России. М., 1986.
44. Правовой механизм преодоления бюрократизма. М., 1991.
45. *Макарин А. В.* Бюрократия в системе политической власти. СПб., 2000.
46. *Афанасьев Ю. Н.* Опасная Россия. Традиции самовластья сегодня. М., 2001.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.05.2009